

бражен Александр Иванович Тургенев, друг Вяземского, давний знакомец, а в последние годы и близкий друг Пушкина. В течение многих лет Александр Тургенев был своим человеком в доме канцлера графа Николая Петровича Румянцева; почти до смерти Румянцева в 1826 году он был постоянным участником его домашних обедов, на которые собирались Карамзин, Дашков, Блудов, Жуковский, — и где старый дипломат, возможно, не раз высказывал мнение, донесенное до нас записками Вяземского.

Впервые: Русская речь. 1987. № 6.

¹ Пушкин. Т. С. 420.

² См.: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 198—199.

³ Московский телеграф. 1826. Т. VIII. № 5. С. 44.

⁴ Вяземский П. А. Записные книжки: (1813—1848). М., 1963. С. 59.

⁵ Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1929. С. 71.

«Неприятель на носу»

В 1815 году лицеист Пушкин записал в свой дневник забавный анекдот о Денисе Давыдове. Начало этого рассказа утрачено: до нас дошли только отрывки дневника.

«<...> большой грузинский нос, — читаем мы в сохранившемся фрагменте, — а партизан почти и вовсе был без носу. Д<авыдов> является к Б<еннигс>ену: князь Б<аграти>он, говорит, прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу... „На каком носу, Д<енис> В<асильевич>? — отвечает генерал. — Ежели на вашем, так он уже близко, если же на носу князя Б<аграти>она, то мы успеем еще отобедать...”»¹.

Двадцатью годами позднее этот рассказ Пушкин включил в «Table Talk» в несколько измененном виде: «Денис Давыдов явился однажды в авангард к кн.<язю> Багратиону и сказал: „Главкомандующий приказал доложить в<ашем>у с<иятельств>у, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить”. Багратион отвечал: „Неприятель у нас на носу? на чьем? если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать”»².

Нет сомнения, что рассказ идет от самого Давыдова.

Он очень в духе излюбленных им исторических анекдотов, с остроумными каламбурными концовками; он комически обыгрывает характерную черту его собственного облика — маленький нос, — над чем иной раз посмеивался сам Давыдов. Наконец, в нем действует Багратион — любимый начальник и старший друг знаменитого поэта.

Вместе с тем история эта записана дважды и в разных редакциях, и остается не вполне ясным, почему так произошло: потому ли, что Пушкину она была рассказана дважды и по-разному, или потому, что Пушкин сам в поздние годы обработал ее, превратив в миниатюрную новеллу.

Мы не знаем исходного рассказа, который записал и, быть может, обработал Пушкин. Нам известно лишь, что в лицейские годы Пушкин не был знаком с Давыдовым и, возможно, только видел его в 1811 году, когда мальчиком приехал в Петербург вместе с дядюшкой своим В. Л. Пушкиным. К 1835 году он был с Давыдовым не только знаком, но и дружен и многократно слышал его рассказы. Можно предполагать поэтому, что он уточнил и скорректировал анекдот, который впервые услышал в 1815 году из вторых уст.

Такому, наиболее естественному, предположению противоречит, однако, еще одна запись этого анекдота, опубликованная еще при жизни Пушкина и не попавшая в поле зрения исследователей. Она появилась в 1826 году в альманахе «Сириус».

Издатель этого альманаха М. А. Бестужев-Рюмин, ставший затем противником пушкинского литературного кружка и преследовавший Пушкина, Дельвига, Плетнева вульгарными насмешками в своей газете «Северный Меркурий», — Бестужев-Рюмин, печально прославившийся своими контрафакциями и высмеянный Пушкиным в памфлете «Альманашник», — по-видимому, пользовался какое-то время покровительством Дениса Давыдова. Во всяком случае, он получил от него стихи для двух своих альманахов «Сириус» и «Северная звезда», напечатал их с возможной бережностью и прозрачно намекнул в «Северной звезде» на эту литературную связь³. В «Сириусе» же он напечатал под своими инициалами («Б. Р.») «Анекдоты, мысли и замечания», в которые включил уже знакомый нам рассказ:

«Особенное хладнокровие и в самых опасных случаях принадлежало к числу прочих достойных свойств, ук-

рашавших воинские доблести генерала О*. В одну достопамятную войну корпус его был расположен неподалеку от корпуса генерала **, полководца, известного мужеством и опытностью своею. Надобно заметить, что сей последний имел порядочной величины нос, а адъютант его, ротмистр Д* весьма небольшой. Однажды, когда генерал О* готовился обедать, докладывают ему, что приехал с каким-то важным известием адъютант генерала **. Ротмистр Д* входит и доносит генералу О*, что он прислан от генерала ** с известием, что неприятель на носу. Генерал О*, которому, может быть, не понравилось то, что адъютант Д* изъяснялся хотя техническим, но не весьма приличным выражением, или желая для ободрения бывших тут офицеров подшутить над беспокойством сего последнего, замеченным им из движения его, с улыбкою отвечал: „Надобно знать, на каком еще носу: если на таком, каков ваш, г<осподин> адъютант, то конечно, надобно будет мне поспешить обедом; если же на таком, каков у генерала **, в таком случае мы будем иметь еще достаточно времени приготовиться”»⁴.

Этот вялый пересказ, сделанный эпигоном, интересен тем, что удерживает детали исходного рассказа. То, что слышал Рюмин, — конечно, от самого Давыдова, близко к пушкинской версии 1815 года. Действующих лиц три, а не два, как в поздней редакции; основной герой повествования — «генерал О*» (Беннигсен?); Багратиону отводится пассивная роль. Наконец, «успеем отобедать» сказано не в переносном, а в буквальном смысле. Все это присутствует и в лицейской редакции, — возможно, что и здесь разговор происходит во время обеда или в ожидании его. Есть все основания думать, что этот рассказ, ранний по происхождению, в наибольшей мере приближен к эмпирическому быту.

На фоне его очень ясно обрисовывается художественная природа анекдота в «Table-Talk». Здесь только два действующих лица; третье было бы сюжетно избыточным. Изменена и система отношений между собеседниками: исключен дополнительный, ненужный для устного анекдота сюжетный мотив взаимоотношений Беннигсена и «генерала О*» с Давыдовым и Багратионом. Сюжет развивается стремительно и без побочных линий: он организован остротой, за которой должны просматриваться черты характера Багратиона: отчаянного храбреца, не терявшего хладнокровия в решитель-

ную минуту, блестящего остролова и, может быть, немного сибарита. Человек этих свойств не может посылать своего адъютанта к Беннигсену с паническим предупреждением о близости неприятеля; реальный факт мог соответствовать логике военных действий, но он противоречил логике характера. Напротив, он должен был сам получать такие уведомления и реагировать на них по-своему. И равным образом адъютант его, Давыдов не должен был выслушивать от главнокомандующего полуиронические отповеди с легким оттенком пренебрежения к беспокойству Багратиона, а вместе с тем и к внешнему облику его и его посланца. Бестужев попытался мотивировать создавшуюся ситуацию, не слишком выгодную для репутации Багратиона, — Пушкин ее изменил. Вложенная в уста Багратиона шутка не несла с собой ни тени иронии — это был разговор единомышленников, забавно разнящихся между собою размерами носа.

Здесь, казалось бы, напрашивается окончательный вывод: в «Table-Talk» Пушкин подчинил исторический материал художественным законам новеллы. Но, по-видимому, дело обстояло иначе.

В «Старой записной книжке» Вяземского мы находим еще одну запись анекдота о носе:

«Денис Давыдов во время сражения докладывает князю Багратиону по поручению начальствующего отдельным отрядом, что неприятель на носу. «Теперь, — говорит князь Багратион, — нужно знать, на каком носу: если на твоём, то откладывать нечего, и должно идти на помощь; если на моем, то спешить еще не к чему»»⁵.

Эта версия не зависит от пушкинского рассказа: она разнится с ним в существенных деталях. Но сюжетное построение в нем то же, что и у Пушкина.

Вяземский был одним из ближайших друзей Дениса Давыдова, и нет сомнения, что он слышал анекдот прямо от него.

Итак, Давыдов сам был автором новеллы, которая за двадцать с лишним лет приобрела законченную стройную форму, хотя и утратила нечто от исторической точности. Так попала она в пушкинский «Table-Talk».

Впервые. Русская речь 1987. № 6.

¹ Пушкин. Т. 12. С. 295.

² Там же. С. 158.

³ См.: Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984. С. 186.

⁴ Сириус. 1826. Ч. 1. С. 197—198.

⁵ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. 1883. Т. VIII. С. 117.

Булгарин и граф Хвостов

Когда в 1835 году вышли в свет «Посмертные записки титулярного советника Чухина» давнего пушкинского врага Ф. В. Булгарина, Пушкин собирался откликнуться уничтожающей маленькой рецензией, которую, впрочем, не напечатал. Она не стала фактом журнальной полемики, но осталась нам как образец полемического искусства.

Пушкин не имел в виду разбирать роман по существу. Он сослался на предисловие к «Ивану Выжигину», где Булгарин негодовал на критиков, не признающих в нем писательского таланта. «С нашей стороны — замечал Пушкин, — мы знаем людей, которые признают талант в г. Булгарине, но и тут не удивляемся». Отзыв заключался словами: «Новый роман г-на Булгарина ни мало не уступает его прежним»¹.

Эта ядовитая двусмысленность имела за собой литературную традицию, восходящую к временам «Арзамаса» и даже более ранним.

М. А. Дмитриев, племянник И. И. Дмитриева, рассказывал, что дядя его упрекал Карамзина, отвечавшего вежливыми похвалами на присылаемые ему сочинения известного метромана графа Д. И. Хвостова. «„А как же ты пишешь? — спросил Карамзин. — Я пишу очень просто. Он пришлет ко мне оду или басню, я отвечаю ему: «Ваша ода или басня ни в чем не уступает старшим сеграм своим!» — Он и доволен, а между тем это правда». — Оба очень этому смеялись!»².

Этот анекдот не выдумка. Сохранилось письмо Дмитриева Хвостову от 31 августа 1815 года, где употреблена именно эта формула: «Новейшее произведение вашей музы во всех отношениях не уступает прежним»³.

Пушкин, несомненно, еще в молодости знал этот полемический прием; Дмитриев не делал из него секрета. Вяземский писал А. И. Тургеневу в 1821 году: «Иван Иванович на получаемые от Хвостова стихи при письмах говорит, что ему совестно называть их по имени, и потому отвечает: «Благодарю за письмо и приложение»⁴.

Через много лет в борьбе с литературными противниками Пушкин применил формулу иронического эффемизма, взяв ее из арсенала «арзамасского» полемического языка. То, что она была связана с творчеством графомана, — такова была устойчивая репутация Хвостова, — придавало ей совершенно особый смысл, который, без сомнения, уловили бы литературные друзья Пушкина, участники бурных баталий 1810-х годов.

Впервые: Русская речь. 1987. № 3.

¹ Пушкин. Т. 8. С. 420.

² Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 122.

³ Русская старина. 1892. № 7. С. 100.

⁴ Остафьевский архив. Т. II. СПб., 1899. С. 195.

Тощий кот на кровле

Современному читателю трудно представить себе ту степень популярности, какой пользовались в пушкинскую эпоху стихи, басни и сказки И. И. Дмитриева. В культурном обиходе образованного общества они выполняли ту же роль, что и басни Крылова, и еще в тридцатые годы не уступали им в известности. Они рассыпались на формулы, парафразы, речения, анонимные, но безошибочно узнаваемые. Жаль, что никто не собрал и не систематизировал этого материала, — он показал бы с большой наглядностью, как поэтический язык Дмитриева обогащал общелитературный фразеологический фонд.

Для пушкинского времени речения из Дмитриева — почти всегда цитата, отсылка к некоему дополнительному контексту. Нередко они становились опорными формулами текста. Их брали из произведений, ставших хрестоматийными: из «Чужого толка», из «Модной жены», — и из тех стихов, которые потом были забыты, но в свое время пользовались успехом, быть может, для нас неожиданным.

В лицейском дневнике Пушкина за 1815 год есть запись: «...Пели куплеты на голос: *бери себе повесу*»¹. Куплеты, далее приведенные в дневнике, — шуточный «перепев» «Карикатуры» Дмитриева, в первой редакции называвшейся «Отставной вахмистр. Баллада».